

Глеб Рачков

Грязный клерк

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Глеб Рачков

Грязный клерк

«Автор»

2026

Рачков Г.

Грязный клерк / Г. Рачков — «Автор», 2026

Бухгалтер токийского синдиката якудза крадёт миллиард долларов. За ним охотятся испанский киллер в белом костюме и школьница с семейной катаной. Проблема в том, что клерк уже не тот трус, каким был раньше.

© Рачков Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глеб Рачков

Грязный клерк

Глава

Книга посвящается

Моей маме

и моему папе

Спасибо за веру, поддержку и дом,
Где так хорошо пишется.

А ТАКЖЕ

Всем великим мастерам кинематографа, чьи шедевры
Навсегда изменили мое видение кадра,

Благодаря им вы держите
эту книгу в руках

Квентин Тарантино * Кристофер Нолан * Гай Ричи
Мартин Скорсезе * Дэвид Финчер * Братья Коэн
и в особенности
Алессандра Пилар

1

«Две унции маракуйи»

На дне багажника «Кадилака Эльдорадо» 1973 года выпуска пахло старым ковролином, жжёной резиной и концентрированным, животным страхом.

Митч никогда не думал, что страх имеет осязаемый запах, пока не оказался заперт в этой железной коробке на колесах. Его мятая офисная рубашка от *Brooks Brothers* — та самая, которую он купил на распродаже в Осаке, чтобы выглядеть солидно перед Мадам Оригами — намертво прилипла к спине от пота, а дешевый полиэстеровый галстук съехал куда-то к правому уху. Зубы Митча выбивали безумную чечетку вокруг грязно-белого кляпа, наскоро вырезанного из куска порванной простыни. Он пытался дышать носом, но воздух внутри парника, раскаленного безжалостным токио-иокогамским солнцем, казался жидким свинцом. Митч безумно вращал глазами в кромешной тьме, моля бога только об одном: чтобы мотор этой чертовой машины никогда не заводился.

Вдруг темноту разорвал оглушительный металлический щелчок. Тяжелый замок сработал со скрежетом, и крышка багажника резко взлетела вверх.

Яркий, безжалостный дневной свет со всей дури шарахнул Митчу по глазам, заставив его зажмуриться и жалобно заскулить сквозь ткань во рту. Когда зрение вернулось, он уви-

дел два силуэта, четко прописанных на фоне ослепительно-белого неба. Они стояли над ним и смотрели сверху вниз так, словно разглядывали занятое, но довольно мерзкое насекомое, застрявшее в банке.

Слева стоял Марчелло. Испанец выглядел так, будто только что сошел со съемочной площадки криминальной драмы начала семидесятых: безупречный, идеально выглаженный белый костюм из дорогой шерсти, черная рубашка с вызывающе широким воротником и массивные солнцезащитные очки *Aviator*, полностью скрывающие глаза. В углу его рта дымилась сигарета без фильтра. Марчелло лениво затянулся, и серый горячий пепел упал прямо на подрагивающее плечо Митча.

Справа, закинув руки за спину, замерла Юми. На её девичьем, бледном, как фарфор, лице не было ни одной живой эмоции. Темно-синяя школьная форма-сейлор фуку сидела на ней идеально, но кожаный ремень, наискось перетягивающий её грудь и удерживающий за спиной рукоять тяжелой японской катаны, напрочь убивал любые ассоциации с невинным подростком. Это был ледяной взгляд сибирского хаски, загнавшего добычу.

Митч судорожно дернулся всем телом и тихо замычал сквозь кляп, пытаясь вытолкнуть языком окровавленную ткань:

— М-м-мф! М-ммм!

Марчелло слегка наклонил голову набок, наблюдая за этими жалкими потугами.

— Посмотри на него, Юми, — спокойно произнес испанец, и в его голосе проскользнул тот самый мягкий мадридский акцент, который обычно завораживал женщин в барах, пока Марчелло не пускал им пулю в затылок. — Он потеет так, будто внутри этого корыта филиала ада. Сколько сейчас на улице? Градусов тридцать пять?

Юми даже не моргнула. Огни ночного Токио еще не зажглись, но солнце уже плавало асфальт.

— Тридцать семь в тени, Марчелло, — отозвалась японка. Её голос был сухим и бесстрастным. — А здесь солнце бьет прямо в железо. Внутри парник. Через час у него просто сварится мозг.

Марчелло глубоко затянулся, задержал дыхание на пару секунд и с видимым удовольствием выпустил плотную, сизую струю едкого дыма прямо в испуганное лицо Митча. Тот немедленно зашелся в судорожном, удушливом кашле. Глаза клерка мгновенно покраснели и залились слезами, смешивающимися с грязным потом на щеках.

— Сварится мозг? — задумчиво повторил Марчелло, глядя куда-то сквозь очки *Aviator*. — Это было бы чертовски некстати. Мадам Оригами очень просила, чтобы его мозги оставались девственно целыми, пока он не вспомнит последние четыре цифры шифра. Нам нужен живой бухгалтер, Юми, а не запеченный в собственном соку клерк.

Митч, уловив в этих словах призрачный шанс на спасение, забился в ковролине еще сильнее. Он начал отчаянно, до хруста в позвонках кивать головой, переводя умоляющий, полный первобытного ужаса взгляд на Юми. Из уголка его рта по подбородку потекла густая, вязкая слюна.

Испанец тяжело, почти сочувственно вздохнул и наклонился чуть ниже, уперевшись ладонями в колени.

— Дружище, — обратился он к запертому внизу бухгалтеру, покачивая головой. — Ты мешаешь мне думать своим мычанием. Послушай меня внимательно. На мне белый костюм. Чистая шерсть, ручная работа, мадридский пошив. Если я сниму с тебя этот кляп, и ты начнешь орать как сучка на бойне, у меня просто не останется выбора. Мне придется засунуть тебе в

плотку ствол. А пороховые газы, чтоб ты знал, оставляют отвратительные черные пятна. Их потом не выводит ни одна химчистка в Токио, даже самая элитная на Гиндзе. Оно нам надо? Так что ответь мне без лишнего шума: ты будешь молчать?

Митч закивал дико, иступленно, сжав кулаки так, что затрещали суставы. Он готов был пообещать всё что угодно, лишь бы вернуть себе способность говорить.

Марчелло брезгливо поморщился. Он аккуратно, кончиками двух пальцев — большого и указательного — взялся за край окровавленной ткани во рту клерка и резким, профессиональным рывком выдернул кляп наружу.

— Пожалуйста! О господи, пожалуйста! — немедленно, не успев сделать даже нормального вдоха, сорвался на истошный, ультразвуковой крик Митч. — Я всё скажу! Там код... код завязан на дату...

Договорить он не успел.

Марчелло сделал это молча. С той самой молниеносной, кошачьей грацией, которая отличает прирожденных убийц от обычных парней с пушками, он выкинул вперед правую ногу. Носок его безупречно начищенной кожаной туфли с сухим, сочным хрустом встретился с нижней челюстью Митча. Голова клерка мотнулась назад, с силой ударившись о металлическое крыло багажника.

— Ах-х... х-хх... — захрипел Митч, моментально обмякнув. Он судорожно глотал ртом воздух, сплевывая на серый ковролин вязкую алую кровь вперемешку с обломком коренного зуба.

Марчелло с разочарованием посмотрел на носок своей туфли, проверяя, не оставил ли бухгалтер на ней следов, а затем медленно покачал головой.

— Я же просил. Без криков, — тихо, с искренней обидой в голосе произнес испанец. — Ты не оправдал доверия, Митч. А меня всегда расстраивает, когда люди нарушают уговор.

Он неторопливо развернулся спиной к багажнику, лицом к Юми, и легким, щегольским движением поправил манжеты своего ослепительно белого пиджака.

— Ему душно. Приоткрой окно, — небрежно бросил Марчелло через плечо.

Юми не заставила себя ждать. Её тонкая, изящная рука совершила едва заметное, ленивое движение — и тяжелая, обшитая сталью крышка «Кадиллака» рухнула вниз. С металлическим, оглушительным скрежетом сработал замок. *ГЛАХ!*

Для Митча мгновенно наступила абсолютная, гробовая тьма. Жидкий парник снова изолировал его от остального мира.

И ровно в ту же секунду, когда замок защелкнулся, эту душную тишину разорвал безумный, первобытный, грязный фанк-рок прямоком из ушедших семидесятых. Это был трек «*The Jungle*» группы *The Savages* — с его сочными, вибрирующими басами, хриплыми трубами и визжащей гитарой, от которой закладывало уши. Ритм этой музыки буквально ввинчивался в череп, заставляя кровь бежать по венам быстрее. Если бы эта история была фильмом на большом экране, прямо сейчас на черном полотне вспыхнул бы огромный, жирный, агрессивно-глянцевый шрифт, заявляющий на весь кинозал: **РАЧКОВ ГЛЕБ ПРЕДСТАВЛЯЕТ.**

Музыка продолжала орать на пределе возможностей динамиков, перегружая барабанные перепонки, когда первый титр сменился вторым, еще более массивным и бескомпромиссным: **ГРЯЗНЫЙ КЛЕРК.**

Но на бумаге, как и на пленке, время — штука податливая. Стоило фанку достичь своего апогея, как реальность совершила резкий, головокружительный кувырок назад.

На черной странице читательского воображения загорелись крупные, вызывающе желтые буквы, выведенные тем самым культовым шрифтом с обложек дешевых карманных романов: **ЗА ПАРУ ЧАСОВ ДО ЭТОГО...**

Грязный американский рок пустынной Невады мгновенно испарился. Вместо него из наступившей тишины вырвался совершенно иной звук — стильный, гипнотический, окутанный дымкой марихуаны японский психоделический рок образца 1971 года. Качающий, тяжелый бас переплетался с тягучими, мистическими аккордами винтажного органа *Hammond*.

Пространство вокруг изменилось кардинально. Мы провалились сквозь временную петлю прямиком в элитное нутро токийского подпольного бара «Чёрный Лотос». Это место не имело ничего общего с дешевыми туристическими забегалками. Оно было соткано из густого, обволакивающего фиолетового и ядовито-желтого неоновых света, который плавал в воздухе, словно дорогой парфюм. Полумрак здесь стоил бешеных денег, и каждый посетитель почти физически кожей ощущал эту тяжелую, порочную роскошь.

Взгляд скользил вдоль бесконечной, зеркально отполированной барной стойки, вырезанной из цельного куска антрацитово-черного мрамора. В лаковой поверхности камня красиво и уродливо двоились неоновые вывески. На переднем плане, прямо перед глазами, работали бармены. На них были безупречные, идеально сидящие футуристические жилеты, а сами они двигались с пугающей, хирургической точностью. Это были не просто парни с бутылками — это были иллюзионисты высшего разряда.

Один из них, не меняя ледяного выражения лица, в замедленном темпе опустил серебряный пик на глыбу прозрачного льда. Острый удар — и в воздухе, словно маленькие бриллианты, на секунду зависли сотни искрящихся капель, поймавших фиолетовый отсвет неона. Другой бармен с виртуозной небрежностью крутил в пальцах хромированный шейкер, подбрасывая его вверх так высоко, что тот на мгновение исчезал в тени потолка, чтобы затем идеально приземлиться обратно в раскрытую ладонь.

А там, чуть дальше, за границей мраморной стойки, жила своей жизнью красивая, запреледно дорогая публика. Мужчины в дизайнерских пиджаках и женщины в шелках негромко смеялись, звенели хрустальными бокалами, делали глотки разноцветных коктейлей и плавно, словно в замедленной съемке, растворялись в этом дурманящем фиолетовом тумане Токио. Они отдыхали. Они тратили деньги. И они даже не догадывались, что в самом темном углу этого зала уже сидят две затаившиеся акулы, пришедшие забрать долги.

Взгляд воображаемого объектива скользил дальше, проникая за святая святых заведения — зеркальный прилавок, прямо к монументальной стене, уставленной сотнями бутылок редкого, баснословно дорогого алкоголя. Коллекционный шотландский односолодовый виски, выдержанный бурбон и коллекционный ром были подсвечены снизу зловещим, ядовито-желтым неоновым светом, из-за чего казалось, будто в стеклянных сосудах плещется не благородный спирт, а жидкое золото вперемешку с ядом.

Среди этого алкогольного великолепия выделялась одна бутылка — пожалуй, самая старая, покрытая тонким, едва заметным слоем благородной вековой пыли. Темный, густой, почти черный виски внутри неё выглядел так, словно его закупорили ещё до начала Первой мировой. Внимание привлекала этикетка. Вместо привычного названия старинного шотландского бренда или фамилии лорда-дистиллятора, на пожелтевшей шероховатой бумаге готическим тиснением было выведено: **ПЕРВЫЙ РОМАН РАЧКОВА ГЛЕБА**. Хулиганский, чисто авторский росчерк прямо посреди чужого криминального мира.

В ту же секунду этот гипнотический фокус прервался. Фокус сместился, плавно отклеиваясь от мерцающей стены с выпивкой. На переднем плане снова возникли ловкие руки бармена, с глухим, ритмичным стуком взбивающего колотый лед в стальном шейкере. Звук этот — *тук-тук-тук* — странным образом идеально попадал в такт качающему, плотному психоделическому року, гремящему из скрытых динамиков.

Совершив мягкий, плавный разворот направо, невидимый наблюдатель начал свое длинное, завораживающее движение по залу. Он буквально плыл сквозь шумную, пахнущую дорогим парфюмом и кокаином толпу, пролетал мимо хохочущих мужчин в безупречных пиджа-

ках, мимо женщин, чьи бриллианты ловили фиолетовые блики неона, и уходил всё глубже, в самую дальнюю и изолированную часть «Чёрного Лотоса». Туда, где зал заканчивался колоссальными панорамными стеклами во всю стену. За ними, размытый тяжелыми каплями ночного токийского дождя, жил своей бешеной жизнью огромный мегаполис, превратившийся через призму влажного стекла в калейдоскоп неоновых огней.

Там, в полумраке у самого стекла, за уединенным круглым столиком сидели двое. Густой фиолетовый свет падал на них сверху, превращая их лица в застывшие театральные маски. Атмосфера вокруг этого стола казалась обманчиво, почти пугающе спокойной — из тех, что заставляют случайного зрителя расслабиться и потерять бдительность прямо перед тем, как ему перережут глотку.

Перед Марчелло стоял абсолютно пустой, тяжелый стакан из-под виски. Юми сидела напротив него. На ней всё еще была синяя школьная матроска, но вела она себя отнюдь не как прилежная ученица. С абсолютно каменным, фарфоровым лицом, не мигая, она мерно водила серым точильным бруском по обнаженному, хищно поблескивающему лезвию своей тяжелой катаны. Этот тихий, зловеющий скрежет металла о камень — *вжух, вжух* — обладал странной акустической силой. Он не просто перекрывал фоновую музыку бара, он заставлял позвоночник покрываться мелкой дрожью.

Марчелло медленно поднес к губам сигарету, сделал глубокую, затяжную затяжку, заставив огонек ярко вспыхнуть в темноте, и лениво стряхнул пепел в тяжелую хрустальную пепельницу. Он заговорил тихо, но в его интонациях сквозила та запредельная, фанатичная уверенность в своей правоте, ради которой люди обычно готовы умирать.

— Это вопрос принципа, Юми. Чистая, блядь, метафизика, — произнес испанец, выпуская колечко дыма в сторону панорамного окна. — Ты не можешь просто взять и разрушить кулинарный баланс, который человечество выстраивало веками. Италия дала миру Леонардо Да Винчи, Феррари и пиццу «Маргарита». Три столпа цивилизации. И тут приходит какой-то канадский придурок в шестидесятых годах, открывает консервную банку и решает: «Эй, а почему бы мне не навалить сладких ананасов на это священное тесто?». Это не просто отсутствие вкуса, Юми. Это открытое, сука, объявление войны здравому смыслу. И на этой войне я лично готов расстреливать пленных.

Юми даже не подняла глаз. Зловеющий, монотонный звук — *вжух, вжух* — продолжал резать воздух, пока серая полоса бруска скользила по безупречной, смертоносной стали.

— Ты чересчур драматизируешь, Марчелло, — отозвалась японка, и её ледяной тон, казалось, мог заморозить капли дождя на стекле за её спиной. — Это всего лишь баланс сладкого и соленого. Элементарная гастрономия. Вся азиатская кухня веками строилась на этом контрасте. Вспомни свинину в кисло-сладком соусе. Или утку с мандаринами, которую подают в Пекине. Твой мозг просто намертво застрял в древних границах Римской империи, и ты отказываешься видеть мир дальше своего Ватикана.

Марчелло резко подался вперед, едва не опрокинув пустой стакан. Он навис над круглым столиком, яростно жестикулируя зажатой между пальцев сигаретой, отчего тлеющий огонек чертил в фиолетовом неоне тонкие огненные дуги.

— Свинина — это свинина, Юми! — выплюнул испанец, и в его глазах вспыхнул фанатичный блеск. — Свинья жрет всё подряд, ей абсолютно плевать, в чём именно её утопят после бойни. Но пицца? Пицца — это, сука, холст! Это высокое искусство. Ты же не станешь пробираться в Лувр с маркером и дорисовывать усы Мона Лизе только потому, что тебе, видите ли, нравится смотреть на усы? Ананас в пицце — это как огромный, гнойный прыщ на лице супермодели. Он, конечно, привлекает чертово внимание, но все вокруг прекрасно понимают, что это гребаная катастрофа. Запомни мою фразу: если парень на первом свидании заказывает Гавайскую пиццу, девушка должна бежать. Бежать, блядь, без оглядки, сверкая пятками, потому что этот убудок — латентный психопат. Сто процентов. Без вариантов.

В этот самый момент тяжелую, наэлектризованную тишину у панорамного окна нарушил мягкий шорох шагов. К их столику плавно, словно призрак, подошел ОФИЦИАНТ. На нем был накрахмаленный до хруста жилет и строгий черный фартук, в руках он сжимал маленький кожаный планшет для заказов. На его лице была намертво натянута вежливая, профессиональная маска, вытренированная годами работы с капризными токийскими богачами. Вот только глаза парня выдавали его с головой — они испуганно, судорожно косились на полуметровую полосу калёной стали, которую Юми продолжала монотонно и невозмутимо точить прямо у всех на виду.

Официант сделал короткий, почтительный поклоны, стараясь держать приличную дистанцию.

— Добрый вечер, господа. Рад приветствовать вас в «Черном Лотосе», — произнес он, и его голос едва заметно дрогнул. — Готовы сделать заказ, или вам нужно еще немного времени, чтобы... обсудить кулинарные традиции?

Марчелло моментально, в долю секунды, изменился в лице. Это был феноменальный актерский трюк. Вся его бешеная кулинарная агрессия испарилась, словно её и не было, уступив место безупречной, ленивой и вальяжной вежливости испанского гранда. Он откинулся на спинку дивана, расслабил плечи и мягко, невероятно тепло улыбнулся испуганному парню.

— Да, приятель, мы готовы, — бархатным голосом произнес Марчелло, слегка склонив голову. — Будь добр, принеси мне хорошую, честную порцию спагетти Болоньезе. Только умоляю тебя: когда пойдешь на кухню, шепни повару на ухо, чтобы мясо в соусе было настоящим, сочным говяжьим фаршем, а не какой-нибудь сухой соевой херней для туристов. И бокал красного. Принеси что-то сухое, терпкое и тяжелое. Знаешь, такое... как характер моей бывшей жены.

Официант судорожно закивал, его ручка бешено застрочила по бумаге планшета, выписывая нервные иероглифы.

— Разумеется, сеньор, — забормотал он, не поднимая глаз. — Всё сделаем в лучшем виде. Повар выложится на полную. А что прикажете для леди?

Юми наконец остановила брусочек. Движение её пальцев было резким и точным. Она подняла меч, и безупречно отполированное лезвие катаны хищно вспыхнуло в полумраке, поймав ядовито-фиолетовый неон зала и миллионы далеких огней ночного Токио, плывущих за залитым дождем панорамным стеклом. Не оборачиваясь, она медленно перевела свой мертвый, ледяной взгляд на застывшего официанта. Парень почувствовал, как у него внутри всё сковал первобытный страх.

— Две унции маракуйи, — произнесла Юми. Её голос звучал тихо, ровно и пугающе безжизненно. — Смешай с тоником, добавь колотый лед и каплю хорошего джина. Из еды — ничего. Я никогда не ем перед работой. Это портит аппетит.

Официант заметно побледнел. Кожа на его лице приобрела землистый оттенок, а кадык судорожно дернулся, когда он тяжело сглотнул скопившуюся во рту слюну. Он сделал инстинктивный, трусливый шаг назад, будто пытался увеличивать дистанцию между своей шеей и сталью в руках этой странной девушки в школьной форме.

— Принято... — пролепетал он, едва сдерживая дрожь в пальцах. — Две унции маракуйи и Болоньезе. Будет готово через десять минут.

Он отвесил короткий, панический поклон и буквально растворился в шумной толпе заведения. Он уходил так быстро, словно за ним гнались все черти ада, искренне радуясь, что унес ноги из этого проклятого угла у окна.

Марчелло лениво проводил его взглядом через плечо, на его губах играла едва заметная, циничная усмешка. Затем он снова повернулся к напарнице. На секунду испанец замер, разглядывая хаотичное отражение Токио во влажной поверхности стекла, после чего сделал глубую затыжку, заставив кончик сигареты вспыхнуть багровым углем.

— «Я не ем перед работой», — тихо повторил Марчелло. Его голос мгновенно потерял всю напускную вежливость, вернувшись к тому самому опасному, леденящему тону, от которого у людей обычно пересыхало в горле. — Красиво сказано, детка. Очень поэтично. Прямо для сборника хайку. Надеюсь, наш грязный клерк Митч там, на верхнем этаже, сейчас тоже не ужинает. Потому что когда мы поднимемся, ему будет чертовски трудно переваривать свои грехи.

Юми не ответила. Вместо этого она перехватила катану, и одним плавным, отточенным до автоматизма движением вогнала клинок обратно. Раздался тихий, сухой и абсолютно зловеющий в этой тишине металлический щелчок, когда гарда вошла в пазы деревянных ножен.

— У него осталось ровно десять минут, Марчелло, — отрезала Юми, глядя на свои наручные часы. — Чтобы доест свой последний ужин.

Сухой металлический щелчок, с которым катана Юми вернулась в ножны, всё еще вибрировал в воздухе, когда Марчелло неторопливо полез во внутренний карман своего ослепительно белого пиджака. Пальцы в тонкой кожаной перчатке извлекли хрустящую стодолларовую купюру с портретом Франклина. Испанец небрежно, почти брезгливо швырнул её на лакированную поверхность стола — прямо в круглую лужицу конденсата, натекшую со дна бокала из-под маракуйи. Купюра мгновенно потемнела, впитывая влагу. Несчастный официант, скорее всего, еще даже не успел передать повару заказ на спагетти Болоньезе, но Марчелло это больше не волновало. Еда, кулинарные принципы и метафизика итальянской кухни остались в прошлом. Время разговоров вышло.

Они поднялись одновременно, словно подчиняясь единому, невидимому метроному. Юми привычным, отточенным движением закинула широкий кожаный ремень катаны за плечо, поправляя воротник матроски.

Если бы чья-то посторонняя воля следила за ними в этот момент, взгляд этого невидимого наблюдателя намертво приклеился бы к их спинам. Он следовал бы за ними шаг в шаг, увязая в тяжелых складках белого шерстяного пиджака Марчелло и послушно качаясь в такт шагам Юми, превращаясь в их третью, самую опасную тень.

Они двигались через зал «Черного Лотоса» с той леденящей душу невозмутимостью, которая бывает только у людей, идущих на бойню в качестве мясников. Грохочущий психоделический рок, звон хрусталя и пьяный смех дорогой токийской публики резко, в одну секунду, приглушились, стоило Марчелло и Юми переступить порог стеклянного панорамного лифта. Тяжелые прозрачные двери сошлись с тихим, зловеющим шипением пневматики, отрезав их от мира живых. Капсула лифта сорвалась с места, начиная свой стремительный, плавный подъем вверх, на одиннадцатый этаж. За стеклом, умытый черным ночным дождем, с бешеной скоростью падал вниз неоновый Токио, превращаясь в размытый океан фиолетовых и желтых огней.

Внутри лифта воцарилась гробовая, звенящая тишина. В этой замкнутой стеклянной коробке не было слышно ничего, кроме монотонного, утробного гудения подъемного механизма. Напряжение между четырьмя прозрачными стенами за секунды выросло до такой степени, что воздух казался твердым, как свинец.

Марчелло повернулся к зеркальной стене, тупо разглядывая собственное отражение. Его лицо за темными стеклами очков *Aviator* оставалось абсолютно расслабленным, почти сонным. Он лениво, двумя пальцами поправил широкий воротник черной шелковой рубашки, а затем скользнул рукой чуть ниже и расстегнул нижнюю пуговицу своего безупречного пиджака. Настоящий мастер никогда не сковывает свое тело перед делом. Свобода движений — это то, что отделяет живого киллера от мертвеца.

Юми стояла чуть впереди, глядя строго перед собой, в закрытые двери лифта. Её лицо казалось высеченным из куска дорогого белого мрамора — ни одна жилка не дрогнула, ни один мускул не выдал волнения. Длинные пальцы её левой руки мягко, почти ласково легли на цубу — узорчатую гарду катаны. Большим пальцем правой руки она едва заметно, всего на

полсантиметра, сдвинула лезвие вверх, освобождая его из деревянного плена ножен. Острая, как бритва, полоса калёной стали на долю секунды вынырнула на свет, хищно поймав фиолетовый отсвет токийского неона. Юми скользнула взглядом по идеальной линии заточки и с тихим, сухим и абсолютно бескомпромиссным звуком вернула меч на место. *Клац*. Это был её собственный внутренний код готовности. До цели оставались считанные секунды.

Лифт издал короткий, кристально чистый звук — *дзинь*. Тонкий электронный сигнал прозвучал в этой удушливой тишине как выстрел. Капсула замерла на одиннадцатом этаже, и тяжелые стеклянные створки плавно разъехались в стороны.

Невидимый наблюдатель, намертво привязавшийся к их спинам, последовал за ними, когда они перешагнули порог лифта и ступили в длинный коридор закрытой VIP-зоны.

Мир неона, коктейлей и дешевых человеческих радостей остался далеко внизу. Атмосфера сменилась так резко, словно их швырнули в другое столетие. Здесь безраздельно правила бал душная, консервативная, почти осязаемая роскошь старой имперской Японии, намертво переплетенная с запахом очень больших и очень грязных денег. Стены коридора были обшиты панелями из столетнего темного кедра, источавшего глубокий, смолистый аромат. Вдоль них тянулись матовые раздвижные ширмы с тончайшим, сделанным вручную золотым тиснением. Вместо привычного ковролина или дорогой плитки весь пол был устлан безупречными, толстыми циновками татами из прессованной рисовой соломы. Они были настолько плотными и мягкими, что полностью скрадывали любые звуки шагов, превращая идущих в безмолвных призраков. Из скрытых под потолком динамиков, едва уловимо для слуха, лился минималистичный, изящный японский джаз шестидесятых годов — ленивый плач саксофона, который только подчеркивал зловещую тишину этого места.

И по всему этому кедровому периметру, ровно через каждые пять метров, стояли амбалы якудза.

Они выглядели так, будто их наштамповали на одном секретном подземном заводе мафии. Все как один: глухие, иссиня-черные строгие костюмы, узкие черные галстуки, перетягивающие воротнички рубашек, и жесткие, агрессивные стрижки «под ноль». На левом лацкане у каждого хищно поблескивал крошечный золотой значок в виде скрученного бумажного журавлика — личный герб синдиката безжалостной Мадам Оригами.

Марчелло и Юми двигались строго по центру этого живого коридора. Их походка была абсолютно спокойной, вальяжной, почти прогулочной. Они не пытались прятаться, не пригибали головы и не ускоряли шаг, чтобы проскочить опасную зону. Они шли с таким видом, словно это здание, эти татами, этот кедр и эти хмурые парни с бритыми головами принадлежали им по праву рождения.

Амбалы якудза провожали незваных гостей тяжелыми, прищуренными взглядами из-под нависших бровей. Воздух между стенами накалялся с каждым их шагом, становясь настолько плотным и осязаемым, что его, казалось, можно было резать ножом. Напряжение достигло критической отметки, когда рука одного из охранников, стоявшего чуть впереди, медленно, контролируемым движением скользнула к правому борту пиджака. Там, под дорогой тканью, отчетливо угадывался тяжелый контур кожаной кобуры.

Марчелло заметил это шевеление моментально — боковым зрением, сквозь непроницаемые черные стекла своих очков *Aviator*. На его тонких губах появилась едва заметная, ленивая и невероятно опасная усмешка человека, который точно знает, чем закончится эта игра. Не меняя ритма шагов, он плавно, без лишней суеты опустил правую руку в карман брюк, нащупывая холодную сталь рукояти своего *Browning Hi-Power*.

Юми даже не повернула головы в сторону угрозы. Её ледяной, мертвый взгляд был намертво прикован к массивной, покрытой черным лаком двойной двери в самом конце коридора. Она знала, что именно там, за этой дубовой преградой, люди Мадам Оригами прячут

перепуганного Митча. Её шаги были безупречны. Она шла вперед, и её движения были идеально, пугающе синхронизированы с неторопливым, тягучим ритмом японского джаза.

До заветной лакированной двери оставалось каких-то пять метров. Два охранника-гиганта, охранявшие вход, синхронно сделали тяжелый шаг вперед, полностью перекрывая собой узкий проход. Их лица оставались неподвижными, но руки уже легли на рукоятки укороченных пистолетов-пулеметов, висевших на тактических ремнях под пиджаками.

Марчелло и Юми не остановились. Они продолжали идти прямо на них.

И в тот самый момент, когда до столкновения оставалась доля секунды, воображаемый кадр этой истории с грохотом сорвался в бездну, разбившись об абсолютную, глухую черную пустоту. Музыка обрывалась на самой высокой, дребезжащей ноте саксофона, оставив читателя наедине с темнотой своего разума.

Тяжелый, оглушительный треск разлетающегося в щепки дерева разорвал консервативную тишину одиннадцатого этажа. Массивные лакированные двери, которые еще секунду назад казались монументальной преградой, с мясом вылетели с петель от одного короткого, филигранного и сокрушительного удара ноги Марчелло. Взгляд воображаемой камеры Рачкова Глеба буквально ворвался вслед за киллерами в открывшееся пространство огромного VIP-зала синдиката.

Внутри царила изысканная, почти музейная роскошь, залитая мягким, приглушенным светом скрытых ламп. По самому центру комнаты тянулся бесконечный низкий стол, вырезанный из цельного куска мореного черного дуба и отполированный до зеркального блеска. Вдоль стен уютно расположились массивные диваны из дорогой телячьей кожи, а весь пол был устлан безупречными, девственно-белоснежными циновками татами. И прямо там, в самом дальнем углу этого архитектурного великолепия, привязанный к тяжелому дубовому стулу толстыми пеньковыми веревками, сидел Митч. Его рот был намертво заклеен широкой полосой серого армированного скотча, а расширенные от запредельного ужаса глаза дико вращались, умоляя о пощаде. Вокруг стола, словно каменные изваяния, застыли семеро тяжелых охранников якудза.

И тут время предательски споткнулось. Наступила та самая фирменная, осязаемая секунда абсолютного затишья, которую Тарантино всегда вшивает в эпицентр грядущей катастрофы. В этом тягучем, замершем слоу-мо телохранители Мадам Оригами начали медленно, словно сквозь толщу воды, осознавать масштаб нагрянувшей беды. Их пальцы синхронно, как по команде, скользнули под полы иссиня-черных пиджаков, нащупывая холодные рукоятки хромированных пистолетов.

Марчелло даже не повел бровью. Сигарета без фильтра всё так же лениво дымилась в углу его рта, а очки *Aviator* отражали застывшие фигуры врагов.

— Знаешь, Юми, я тут подумал... Я передумал, — абсолютно спокойно, почти скучающим тоном произнес испанец, плавно опуская руку в карман брюк.

— Насчет чего? — отозвалась японка, чье тело уже оторвалось от пола в безупречном, кошачьем прыжке.

— Насчет Болоньезе. Соя там в соусе или нет, но после этой прогулки я чертовски проголодался.

И в эту долю секунды время с диким ревом сорвалось с тормозов.

Из невидимых колонок читательского восприятия на полную мощность, перегружая барабанные перепонки, ударил взрывной, первобытный, невероятно грязный фанк семидесятых — тот самый культовый трек «*The Jungle*» банды *The Savages*. Тяжелые, вибрирующие басы и орущие, захлебывающиеся трубы мгновенно заполнили комнату. Наступил чистый, первосортный ад.

Юми, словно преодолев законы гравитации, в один невероятный полет взлетела на длинный черный стол. Её потрепанные кеды оставили грязные, отчетливые следы на без-

упречно полированном дереве. Одним молниеносным, круговым движением, которое невозможно было уловить человеческим глазом, она выхватила катану из ножен. *ВЖУХ!*

Первый из семерых якудза, стоявший ближе всех к столу, даже не успел высвободить свой ствол из кобуры. Тяжелая сталь Юми с сочным, мясным хрустом рассекла его дорогой пиджак и грудную клетку по идеальной диагонали. Густая, темная, фонтанирующая кровь под огромным давлением резко вспрыснула вверх и в сторону, раскрасив белоснежные бумажные ширмы позади него масштабным, абстрактным кровавым узором. Мужчина еще не успел начать свое падение на татами, а клинок Юми уже искал следующую плоть.

Марчелло времени даром не терял. С грацией профессионального акробата, напроочь ломающей любые представления о том, как должен вести себя сорокалетний мужчина в дорогом шерстяном костюме, он заложил безупречный кувырок боком. Его белое пальто взметнулось в воздухе, когда он рыбкой нырнул за ближайший диван из толстой телячьей кожи. Секундой позже то место, где он только что стоял, превратилось в решето. Пули крупного калибра с сочным, мясным треском вырывали куски обивки, пружин и серого поролона прямо над его головой, заполняя воздух удушливой мебельной пылью.

Но испанец уже выныривал с противоположной стороны дивана. В его руках, словно продолжение собственных ладоней, возникли два матово-черных пистолета *Browning Hi-Power*. Марчелло открыл огонь с двух рук одновременно. Сигарета без фильтра всё так же неподвижно дымилась в углу его рта, а движения пушек напоминали идеальную, механическую работу хронометра.

БАХ! БАХ! БАХ!

Два массивных амбала, перекрывавших выход у дверей, даже не успели скорректировать прицел. Тяжелые свинцовые капли швырнули их тела навзничь, и они рухнули спиной вперед, пачкая девственную белизну рисовых татами уродливыми багровыми потеками. Стреляные латунные гильзы с чистым, колокольным звоном дождем посыпались на пол, выстукивая свой собственный ритм поверх беснующегося фанка.

А на дубовом столе Юми уже кружилась в своем фирменном, смертоносном танце. Увернувшись от пули очередного стрелка, она заложила резкое колесо назад. Опершись ладонями в лакированное дерево, японка выкинула ноги вперед, с глухим хрустом ломая челюсть четвертому охраннику. Парень отлетел в сторону, как тряпичная кукла. Не теряя инерции, Юми крутанулась на пятках на триста шестьдесят градусов. Длинная сталь её катаны описала в воздухе идеальный круг и со свистом перерубила запястье пятого якудза, который как раз пытался навести на неё укороченный пистолет-пулемет. Отрезанная кисть вместе со стальным оружием глухо шлепнулась на пол.

— Юми! Правый фланг! Твой воротничок! — рявкнул Марчелло, укрываясь за перевернутым креслом и на лету, одним движением пальцев, загоняя новые обоймы в рукоятки своих «Браунингов».

Девушка среагировала мгновенно. Она сделала резкий, запредельный наклон корпуса назад, в чистом стиле «Матрицы». В ту же долю секунды пуля шестого охранника с шипением рассекла воздух в каком-то сантиметре от её шеи, подчистую срезав край синей шелковой матроски. Юми резко присела, уходя из опасной зоны, и сделала размашистую, подсекающую дугу мечом по ногам стрелка. Охранник взвыл, теряя опору, а когда его тело начало валиться на стол, Юми перехватила рукоять катаны двумя руками и с силой вонзила клинок вертикально вниз. Сталь с хрустом пробила грудину несчастного и намертво вошла в толщу черного дубового стола, пригвоздив мертвеца к мебели.

В живых оставался последний — колоссального вида сумоист в разорванном на плечах черном костюме. Тяжело дыша, он медленно наводил огромный помповый дробовик *Remington* прямо на Марчелло.

Испанец, опустившись на одно колено посреди этого хаоса, хладнокровно прицелился сквозь темные стекла своих очков *Aviator*. Он сделал затяжную, глубокую затяжку. Огонек сигареты на мгновение ярко, хищно вспыхнул в полумраке зала, осветив его неподвижное лицо.

БАХ. БАХ. БАХ.

Три пули из левого «Браунинга» легли с хирургической точностью — идеальным, аккуратным треугольником прямо по центру колоссальной груди гиганта. Сумоист на секунду замер, его глаза остекленели, а затем он тяжело, словно срубленный вековой дуб, рухнул спиной назад. Его огромная масса с треском проломила хрупкую бумажную ширму, и тело с грохотом вылетело в смежную комнату.

И ровно в момент его падения музыка **РЕЗКО ОБРЫВАЛАСЬ** на финальном, торжественном аккорде орущих труб.

Прошло ровно сорок секунд. На VIP-этаже воцарилась звенящая, давящая на уши тишина. Её нарушал лишь тихий, ритмичный стук маятника старинных напольных часов в углу и тяжелое, свистящее дыхание Митча. По всему залу лениво плыл сизый пороховой дым, под ногами блестел ковер из стреляных гильз, а по белым стенам и татами медленно расплзались густые красные потеки.

Юми стояла на центре разгромленного стола, её грудь высоко вздымалась. На бледной, как фарфор, щеке застыла одна-единственная капля чужой крови. Она плавно, контролируемым движением опустила катану, с кончика которой на белую циновку лениво упала тяжелая багровая капля.

Марчелло неторопливо поднялся в полный рост. Он щегольским движением поправил лацканы своего ослепительно белого пиджака, на котором — удивительное дело — не появилось ни единого грязного пятнышка. Он вальжной походкой подошел к столу, взял чудом уцелевшую массивную хрустальную пепельницу, аккуратно, до последнего уголька затушил в ней сигарету и снизу вверх посмотрел на напарницу.

— И всё-таки, фрукт-сандо — это абсолютное, глубокое извращение, Юми, — тихо произнес испанец, возвращаясь к своему ленивому мадридскому акценту. — Но двигаешься ты чертовски неплохо. Признаю.

Японка даже не посмотрела на него. Она медленно подняла левую руку и двумя пальцами небрежно сняла каплю крови со щеки, уставившись мертвым взглядом на привязанного клерка.

— Заткнись, Марчелло, — ледяным, бесстрастным тоном бросила она. — Официант внизу уже упаковывает твои спагетти. У нас мало времени. Поднимай его.

Музыка полностью стихла, оставив после себя оглушительную, давящую на уши пустоту. В этой мертвой тишине было слышно лишь то, как на полу с тихим, едва уловимым шипением догорает ворс дорогого ковра, прожжённый упавшим в спешке окурком. По залу лениво, словно утренний туман над болотом, плыл сизый, горький пороховой дым, разъедающий глаза.

Юми всё ещё оставалась на лакированном столе, возвышаясь над горой трупов. Её силуэт в фиолетовом полумраке казался изваянием древней богини смерти. Она сделала резкое, короткое и до автоматизма выверенное движение рукой сверху вниз — стряхнула остатки чужой крови с безупречного лезвия своей катаны прямо на белоснежные рисовые татами. Багровая полоса легла на чистый пол идеальным, сочным мазком, неуловимо напоминая работу мастера японской каллиграфии, который вывел свой финальный, смертоносный иероглиф.

Её ледяной, абсолютно пустой взгляд медленно опустился под стол.

Там, в самом дальнем и темном углу комнаты, отчаянно пытаясь слиться с интерьером, забился между массивной дубовой ножкой стола и перевернутым кожаным креслом Митч. Наш грязный клерк сжался в такой плотный комок, что казался в два раза меньше своего обычного роста. Плотный армированный скотч на его рту отклеился с правого края, свисая уродливым

лоськутом — он просто не выдержал бешеного, хриплого дыхания человека, чей пульс сейчас улетел далеко за двести ударов. Митч исступленно, до судорожного посинения в костяшках пальцев, прижимал к груди старый, потрепанный кожаный портфель, словно тот мог защитить его от пули или меча. От первобытного, парализующего ужаса его тело была крупная, непрекращающаяся дрожь.

Юми двинулась с места. Она плавно, абсолютно беззвучно, с кошачьей грацией спрыгнула со стола на пол. На её темно-синей форме не появилось ни единого потека, ни одного уродливого багрового брызга, если не считать той самой крошечной, почти декоративной точки крови на бледной щеке.

Она медленно, не торопясь, опустилась на одно колено прямо перед съезжившимся клерком. Длинное лезвие катаны с тихим, шуршащим звуком скользнуло по поверхности татами и уперлось своим острием точно в небольшую анатомическую ямку на его горле — прямо над судорожно ходящим ходуном кадыком. Кадык Митча испуганно дернулся вверх-вниз, едва не насаживаясь на смертоносную сталь.

— *Доко ни ару, Митчу-сан? Фурэссю-дорайбу ва доко да?* — тихо, на безупречном, певучем и пугающе спокойном японском произнесла Юми. Для любого гипотетического зрителя этой сцены на экране здесь обязательно побежали бы лаконичные субтитры: «Где она, Митч? Где флешка?»

Митч мгновенно замер, боясь сделать даже самый крошечный, неглубокий вдох. Из его широко распахнутых глаз градом покатались слезы, оставляя чистые, блестящие дорожки на лице, которое успело густо покрыться пороховой гарью и копотью.

— Она... она не у меня... — захрипел он, заикаясь на каждом слоге и мгновенно срываясь на жалкий, унижительный скулеж. — То есть, господи, у меня, но... Пожалуйста! Пожалуйста, не надо! Я ничего не сделал! Я просто считал эти чертовы цифры! Я просто обычный парень с калькулятором! Мне просто платили зарплату!

Юми не удостоила его ответом. Вместо этого её правая рука едва заметным, мизерным движением подалась вперед. Кончик калёной стали ушел ровно на один миллиметр в мягкую кожу. Митч зажмурился от резкой боли, и по его бледной шее, огибая кадык, потекла тонкая, как натянутая ниточка, струйка яркой, живой крови.

— *Цуги ва куби да,* — так же тихо, почти шепотом, повторила Юми на своем певучем, смертоносном японском. На воображаемом экране Рачкова Глеба в этот момент загорелись бы зловещие белые буквы: «Следующей будет твоя шея».

Митч издал дикий, задушенный, похожий на предсмертный хрип звук. Осознание того, что эта школьница с холодными глазами хаски не шутит, ударило ему в голову как разряд тока. Он судорожно, ломая ногти и размазывая по коже собственный липкий пот, принялся рвать металлические застёжки старого кожаного портфеля. Пальцы совершенно не слушались его, превратившись в безжизненные сосиски. Замки никак не поддавались, портфель выскальзывал. Наконец, с третьей попытки он с корнем выдрал кожаный клапан, запустил дрожащую руку в самый глубокий потайной карман и извлек оттуда крошечный предмет.

Это была маленькая, тускло мерцающая в полумраке разгромленного зала серебряная флешка марки *Kingston*. Она была сплошь покрыта его ледяным, паническим потом. Митч вытянул руку вперед, держа накопитель на раскрытой, ходящей ходуном ладони, словно это была смертельно опасная гремучая змея, готовая укусить в любую секунду.

— Вот! Вот она! Здесь всё! — сорвался он на исступленный, жалкий скулеж, захлебываясь слезами. — Весь транш мафии... Все счета Мадам Оригами до последнего цента! Заберите её, ради всего святого, только оставьте меня здесь! Не убивайте меня, умоляю!

Из густого порохового дыма, медленно колыхавшегося у потолка, неторопливо, словно прогуливающийся по бульвару джентльмен, появился Марчелло. На ходу он легким движением убрал один из своих матово-черных «Браунингов» во внутренний карман безупречного белого

пиджака. Второй пистолет испанец лениво держал за ствол, небрежно покручивая его на указательном пальце, как заправский ковбой из старых спагетти-вестернов Серджио Леоне.

Марчелло вальяжно наклонился над столом, аккуратно, кончиками двух пальцев — большого и указательного — подцепил серебряную флешку с мокрой ладони Митча и поднял её на уровень глаз, задумчиво разглядывая тусклый металл на просвет, где сквозь разбитое окно пробивались огни ночного Токио.

— Посмотри на неё, Юми, — негромко произнес испанец, и в его голосе зазвучали меланхоличные нотки. — Размерчиком меньше дешёвой бензиновой зажигалки *Zippo*. А внутри запрятано столько чужого несчастья, предательства и чистой, концентрированной жадности, что этой херней можно заполнить до краев целый океанский танкер. И этот маленький, трусливый грязный клерк искренне думал, что сможет уплыть на этой копеечной крошке прямоком в закат, поближе к пальмам и мулаткам.

Марчелло со щелчком опустил флешку в крошечный кармашек своей жилетки и перевел взгляд вниз, на Митча. Бухгалтер смотрел на него снизу вверх с такой неистовой надеждой, с какой фанатики смотрят на лик господ бога во время апокалипсиса. Заметив этот взгляд, Марчелло тепло, почти по-отцовски улыбнулся и дружески, ободряюще подмигнул несчастному парню.

— Знаешь, Митч, а ты мне определенно нравишься, — вкрадчиво произнес Марчелло, и его мадридский акцент в этой мертвой тишине прозвучал почти уютно. — У тебя, конечно, абсолютно паршивый вкус на работодателей, раз уж ты ввязался в блудняк с якудза, но вот инстинкт самосохранения работает как надо. С ним у тебя всё в полном порядке. Из тебя, если подумать, вышел бы чертовски неплохой кассир в каком-нибудь тихом пригородном супермаркете Мадрида. Сидел бы себе под кондиционером, пробивал пакеты с молоком, крутил романы с кассиршами.

Дикая, безумная надежда яркой вспышкой озарила заплаканные глаза клерка. Он задышал так часто, словно ему только что вернули право на жизнь.

— Да? Да! — закричал он, срываясь на истерический, радостный фальцет, и на его окровавленных губах появилась жалкая улыбка. — Я могу уехать! Клянусь богом, я уеду! Я куплю билет до Испании, я...

Марчелло мягко, почти сочувственно покачал головой, прерывая этот поток восторженного бреда на полуслове.

— Но есть одна крошечная загвоздка, дружище, — вздохнул испанец, и его лицо снова приняло ленивое, холодное выражение. — Видишь ли, Мадам Оригами очень сильно, просто до зубовного скрежета не любит, когда её ведущие бухгалтеры увольняются без официальной отработки двух недель. Это рушит всю корпоративную культуру синдиката. Да и к тому же, нам с Юми сейчас чертовски не хочется колесить по ночному Токио в полном одиночестве. Это навевает депрессию. Так что... поднимай свою задницу, клерк. Пошли, прокатишься в багажнике. Там, конечно, темновато, душно и пахнет старым ковровом, но зато, поверь моему опыту, просто отличная акустика. Можешь орать сколько влезет.

Юми среагировала без слов. Она резко, с едва слышным свистом отдернула окровавленную сталь от шеи клерка. В ту же секунду Марчелло мертвой хваткой вцепился пальцами в воротник его мятой, пропитанной потом рубашки от *Brooks Brothers*. Одним мощным, безжалостным рывком он буквально вышвырнул сухощавое тело Митча из-под стола, словно мешок со старым тряпьем. Пальцы клерка разжались, он выронил свой драгоценный кожаный портфель. Металлические застёжки с треском лопнули, и сотни скрытых документов, накладных и банковских выписок веером разлетелись по залу, плавно опускаясь прямо в липкие, багровые лужи на рисовых татами.

Если бы чья-то посторонняя воля продолжала следить за ними, она зафиксировала бы колоссальный, безжалостный крупный план лица Митча, пока его, упирающегося и волочащего ноги по полу, утаскивали прочь из залитого фиолетовым неоном зала. Клерк широко, до хруста в челюсти, распахнул рот, собирая в легкие воздух, чтобы издать свой самый отчаянный, истошный предсмертный крик.

Но он не успел.

Литературное полотно романа Глеба Рачкова с грохотом сорвалось в бездну, резко обрывавшись на глухой, абсолютной черной пустоте.

В этой темноте не заиграла музыка. Не зазвучали спасительные титры. Вместо этого в наступившем мраке читательского воображения раздался один-единственный, сочный и оглушительный звук захлопнувшейся тяжелой железной крышки багажника — *БАМ!*

А затем, в полной и гробовой тьме, послышались лишь неторопливые, удаляющиеся шаги Марчелло и Юми, шуршащие по мелкому придорожному гравию, сухой щелчок открывающихся автомобильных дверей и тяжелый, утробный, сытый рев мощного семилитрового мотора V8 старого «Кадиллака». Машина на мгновение замерла, а затем с бешеной яростью, под пронзительный, визжащий до боли в ушах звук горячей резины, сорвалась с места, унося Митча навстречу его альтернативной судьбе.

2

«Баллада о

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.